

УДК 82.0; 82.09

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБНОВЛЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА Г. ИБРАГИМОВА

Ф.М.Мусин, доктор филологических наук, профессор

Как известно, в январе 2008 года мы отметили 175-летие со дня рождения М.Акмуллы, что было важно прежде всего с точки зрения серьезной научной и общественной оценки национального и межнационального значения его наследия. Дело в том, что в последнее время усиливается ничем не обоснованное стремление отторгнуть его от нас. Подлинная национальная принадлежность Акмуллы очень логично мотивируется, кроме всего прочего, еще и тем обстоятельством, что вслед за этим юбилеем как бы его закономерное продолжение мы теперь отмечаем 120-летие со дня рождения Г.Ибрагимова, ибо между ними существует прямая преемственная связь. Появившись на свет и сформировавшись как личность в таком признанном до революции общественно-культурном центре татар, как Уральский регион, они впоследствии стали фигурами большого национального и межнационального масштаба. Дело, с одной стороны, в том, что Ибрагимов одним из первых определил историческую роль Акмуллы в татарском мире, назвав его «буревестником нового возрождения» и зачинателем национальной поэзии нового времени, которую поколение Тукая в начале XX века превратило в мощное и полноводное литературное движение. Одновременно на новом историческом этапе Ибрагимов сам стал преемником и продолжателем дела своего знаменитого земляка по обновлению национальной литературы. С другой стороны, мно-

гогранная деятельность Акмуллы и Ибрагимова стала одной из ярких страниц важной межнациональной миссии татар. Говоря более конкретно, принимая активное участие в общественно-культурной жизни ряда тюркских народов или отразив ее в своем творчестве, они превратились в видных деятелей всего тюркского мира. Но все это еще ждет вдумчивого научного исследования. Между тем реализация этой задачи внесет важную лепту в возрождение исторической роли татар в тюркском мире и в укрепление дружбы наших братских народов.

Недостаточно изучены еще место и роль Ибрагимова в истории татарской литературы, что ныне вызывает особый интерес. К тому же его многогранное творческое наследие теперь в новом столетии нуждается и в определенном переосмыслении и переоценке. Дело в том, что в минувшем веке феномен Ибрагимова в целом и его творчество в особенности изучались и оценивались чаще всего с позиции тогдашней идеологии, что порой приводило к односторонним суждениям и оценкам. В частности, нередко оставалась в тени национальная ориентированность его многогранной деятельности. Между тем с первых самостоятельных шагов в жизни он, всегда находясь на авансцене национального бытия, весь свой талант и кипучую энергию отдавал служению родному народу, борьбе за его социальное освобождение и духовно-нравственное развитие. Будучи такой же разносторонне

активной личностью как Г.Исхаки, Ф.Амирхан и Г.Тукай, Ибрагимов вскоре стал одной из самых заметных фигур в татарском мире. В его дооктябрьский период особенно важными и значимыми по сей день остаются литературное творчество и изыскания в области критики и эстетики, которые к тому же до сих пор недостаточно изучены или ждут более объективного исследования. Дело в том, что в прежние годы больше внимания уделялось его общественной деятельности и участию в революционном движении, а его литературное творчество нередко и несколько волевым путем «прицеплялось» к той деятельности. Между тем Ибрагимов-общественник и Ибрагимов-художник не всегда шагали по одной дороге, порой они как-то и расходились. Так, в своей общественной деятельности он стоял на четких марксистских, а позже большевистских позициях, а в литературном творчестве большей частью оставался романтиком, живущим в мире несбыточных мечт и грез. Однако природный талант способствовал тому, что его романтические в основном произведения становились, как правило, подлинными творениями искусства. И в этом плане его рассказы и романы светились как-то ярче на общем фоне прозы того времени. Другими словами, по своему стилю творчество Ибрагимова четко выделялось в кругу его коллег по перу. Но стиливое своеобразие и вообще поэтический мир Ибрагимова этого периода еще ждут научного осмысления. Кроме того, в тогдашнем творчестве писателя до сих пор как-то оставляются в тени два его произведения – первые варианты романов «Судьба татарки» и «Наши дни». Между тем эти произведения заслуживают гораздо большего внимания как читателей, так и исследователей, ибо являются весьма заметными на самом деле явлениями в тогдашней прозе писателя, свидетельствующими о его существенных исканиях. Так, в первом варианте

«Судьбы татарки» автор, с одной стороны, на основе лично увиденного достаточно объективно отображает духовно-нравственный мир дореволюционной татарской деревни, который позднее, в советское время, освещался весьма предвзято и преимущественно в темных тонах. С другой же стороны, названное произведение и сегодня привлекает внимание читателя весьма оригинальным художественным решением судьбы татарской женщины, ставшей тогда общенациональной проблемой. В то время, когда в литературе возобладали мотив трагической женской судьбы, Ибрагимов задался целью отразить свой идеал свободолюбивой женщины, не желающей покориться судьбе, а по-своему отстаивающей свою честь и человеческое достоинство. Героиня романа – гордая Гюльбану не хочет согласиться с долей рабыни в доме властной и самодурной свекрови и, переодевшись в мужскую одежду, убегает из того дома-тюрьмы, затем в поисках счастья колесит по стране. Но, нигде не найдя его, она через некоторое время возвращается в отцовский дом. И читатель теперь уверен, что отец больше не осмелится решать судьбу своей дочери без ее согласия. Вот так героиня добивается свободы в решении вопросов своей личной жизни. Следует сказать, что если в этом произведении весьма злободневную для дореволюционного татарского общества проблему свободолюбивой женщины писатель решает в романтическом ключе, то в другом романе – в «Дочери степи» ее он освещает уже на материале несколько отличного от татарского быта казахов, кочевой образ жизни которых на степных просторах предоставлял женщинам немного больше прав и они вели себя более раскованно. В общем внося достойный идейно-художественный вклад в развитие татарской прозы начала XX века, это произведение, следует отметить, стало своеобразным эталоном для

казахских писателей в освещении их национального бытия.

Что касается творчества Г.Ибрагимова советского периода, то оно ныне нуждается в еще более глубоком научном осмыслении и оценке. Дело в том, что это творческое наследие писателя в прежние годы трактовалось в основном в духе тогдашней идеологии, то есть весьма идеологизированно и потому однозначно. Между тем Ибрагимову в советское время приходилось творить в достаточно сложной и противоречивой идейно-эстетической атмосфере. С одной стороны, он опирался на свой и общенациональный литературный опыт недавнего прошлого, с другой же стороны, писатель жил и творил в обстановке всерастущего воздействия на него новых идеологических установок, в которые он к тому же часто искренне верил и следовал им как в жизни, так и в творчестве. Отсюда – неоднозначность и порой внутренняя противоречивость его произведений. Судьбу писателя в советское время следует трактовать теперь по-иному, а именно как трагедию человека, порожденную той общественной системой, которой он был предан до конца жизни.

При обновленном изучении творческого наследия Ибрагимова советского периода, прежде всего, необходимо наконец-то обратить внимание на раскрытие преемственной связи между двумя периодами его творчества – дооктябрьского и после 1917 года, что в общем является одним из важных свидетельств существования связи поколений в татарской литературе указанных исторических этапов, что, как известно, в прошлом нередко или игнорировалось или вообще отрицалось. На самом же деле, тот же Ибрагимов из своего дореволюционного эстетического багажа в советский период творчества перенес уже упомянутый романтизм, которым, несмотря на «нелюбовь» к нему тогда официальной пропаганды, маститый писатель оказал

большое воздействие на целый ряд молодых прозаиков, особенно в начале 20-х годов. И тогда же на этой волне стала формироваться ибрагимовская «школа» в литературе.

Помимо общих тенденций развития творчества Г.Ибрагимова после 1917 года, ныне ощущается необходимость обновленного осмысления и конкретных произведений этого периода, которые до сих пор также рассматривались в основном в рамках уже названных идеологических установок. Если взять, первое его прозаическое сочинение, посвященное новой революционной действительности, – повесть «Красные цветы» (1921), то в ней объективно наблюдается одна тенденция, часто встречающаяся в мировой литературной практике. Дело в том, что у больших художников слова нередко реальный смысл произведения, порожденный их талантом, оказывается шире и глубже их личных общественно-политических взглядов или связанных с ними творческих замыслов. В качестве примера обычно называют Бальзака и Стендаля во французской литературе или Достоевского и Толстого – в русской. Так и Ибрагимов, стоявший тогда на революционно-большевистских позициях, в упомянутой повести задался целью отразить идею, подсказанную официальной пропагандой нового времени.

И она находит достаточно емкое выражение в следующем произнесенном в ибрагимовском стиле монологе главного героя Султана, который знакомит читателя с поучительными для того противоборствующего времени жизненными судьбами его однокашников. Вызывающее и у героя, и у читателя чувство большого сожаления обстоятельство, что пути-дороги молодых друзей-односельчан Султана Шахбаза, Гилязи, Гали и Фазыла, которые до Октября росли под лучами «одинаково ласкового для всех солнца» и дышали «одним воздухом», так резко разошлись в годы Граждан-

активной личностью как Г.Исхаки, Ф.Амирхан и Г.Тукай, Ибрагимов вскоре стал одной из самых заметных фигур в татарском мире. В его дооктябрьский период особенно важными и значимыми по сей день остаются литературное творчество и изыскания в области критики и эстетики, которые к тому же до сих пор недостаточно изучены или ждут более объективного исследования. Дело в том, что в прежние годы больше внимания уделялось его общественной деятельности и участию в революционном движении, а его литературное творчество нередко и несколько волевым путем «прицеплялось» к той деятельности. Между тем Ибрагимов-общественник и Ибрагимов-художник не всегда шагали по одной дороге, порой они как-то и расходились. Так, в своей общественной деятельности он стоял на четких марксистских, а позже большевистских позициях, а в литературном творчестве большей частью оставался романтиком, живущим в мире несбыточных мечт и грез. Однако природный талант способствовал тому, что его романтические в основном произведения становились, как правило, подлинными творениями искусства. И в этом плане его рассказы и романы светились как-то ярче на общем фоне прозы того времени. Другими словами, по своему стилю творчество Ибрагимова четко выделялось в кругу его коллег по перу. Но стиливое своеобразие и вообще поэтический мир Ибрагимова этого периода еще ждут научного осмысления. Кроме того, в тогдашнем творчестве писателя до сих пор как-то оставляются в тени два его произведения – первые варианты романов «Судьба татарки» и «Наши дни». Между тем эти произведения заслуживают гораздо большего внимания как читателей, так и исследователей, ибо являются весьма заметными на самом деле явлениями в тогдашней прозе писателя, свидетельствующими о его существенных исканиях. Так, в первом варианте

«Судьбы татарки» автор, с одной стороны, на основе лично увиденного достаточно объективно отображает духовно-нравственный мир дореволюционной татарской деревни, который позднее, в советское время, освещался весьма предвзято и преимущественно в темных тонах. С другой же стороны, названное произведение и сегодня привлекает внимание читателя весьма оригинальным художественным решением судьбы татарской женщины, ставшей тогда общенациональной проблемой. В то время, когда в литературе возобладал мотив трагической женской судьбы, Ибрагимов задался целью отразить свой идеал свободолюбивой женщины, не желающей покориться судьбе, а по-своему отстаивающей свою честь и человеческое достоинство. Героиня романа – гордая Гюльбану не хочет согласиться с долей рабыни в доме властной и самодурной свекрови и, переодевшись в мужскую одежду, убегает из того дома-тюрьмы, затем в поисках счастья колесит по стране. Но, нигде не найдя его, она через некоторое время возвращается в отцовский дом. И читатель теперь уверен, что отец больше не осмелится решать судьбу своей дочери без ее согласия. Вот так героиня добивается свободы в решении вопросов своей личной жизни. Следует сказать, что если в этом произведении весьма злободневную для дореволюционного татарского общества проблему свободолюбивой женщины писатель решает в романтическом ключе, то в другом романе – в «Дочери степи» ее он освещает уже на материале несколько отличного от татарского быта казахов, кочевой образ жизни которых на степных просторах предоставлял женщинам немного больше прав и они вели себя более раскованно. В общем внося достойный идейно-художественный вклад в развитие татарской прозы начала XX века, это произведение, следует отметить, стало своеобразным эталоном для

казахских писателей в освещении их национального бытия.

Что касается творчества Г.Ибрагимова советского периода, то оно ныне нуждается в еще более глубоком научном осмыслении и оценке. Дело в том, что это творческое наследие писателя в прежние годы трактовалось в основном в духе тогдашней идеологии, то есть весьма идеологизированно и потому однозначно. Между тем Ибрагимову в советское время приходилось творить в достаточно сложной и противоречивой идейно-эстетической атмосфере. С одной стороны, он опирался на свой и общенациональный литературный опыт недавнего прошлого, с другой же стороны, писатель жил и творил в обстановке всерастущего воздействия на него новых идеологических установок, в которые он к тому же часто искренне верил и следовал им как в жизни, так и в творчестве. Отсюда – неоднозначность и порой внутренняя противоречивость его произведений. Судьбу писателя в советское время следует трактовать теперь по-иному, а именно как трагедию человека, порожденную той общественной системой, которой он был предан до конца жизни.

При обновленном изучении творческого наследия Ибрагимова советского периода, прежде всего, необходимо наконец-то обратить внимание на раскрытие преемственной связи между двумя периодами его творчества – дооктябрьского и после 1917 года, что в общем является одним из важных свидетельств существования связи поколений в татарской литературе указанных исторических этапов, что, как известно, в прошлом нередко или игнорировалось или вообще отрицалось. На самом же деле, тот же Ибрагимов из своего дореволюционного эстетического багажа в советский период творчества перенес уже упомянутый романтизм, которым, несмотря на «нелюбовь» к нему тогда официальной пропаганды, маститый писатель оказал

большое воздействие на целый ряд молодых прозаиков, особенно в начале 20-х годов. И тогда же на этой волне стала формироваться ибрагимовская «школа» в литературе.

Помимо общих тенденций развития творчества Г.Ибрагимова после 1917 года, ныне ощущается необходимость обновленного осмысления и конкретных произведений этого периода, которые до сих пор также рассматривались в основном в рамках уже названных идеологических установок. Если взять, первое его прозаическое сочинение, посвященное новой революционной действительности, – повесть «Красные цветы» (1921), то в ней объективно наблюдается одна тенденция, часто встречающаяся в мировой литературной практике. Дело в том, что у больших художников слова нередко реальный смысл произведения, порожденный их талантом, оказывается шире и глубже их личных общественно-политических взглядов или связанных с ними творческих замыслов. В качестве примера обычно называют Бальзака и Стендаля во французской литературе или Достоевского и Толстого – в русской. Так и Ибрагимов, стоявший тогда на революционно-большевистских позициях, в упомянутой повести задался целью отразить идею, подсказанную официальной пропагандой нового времени.

И она находит достаточно емкое выражение в следующем произнесенном в ибрагимовском стиле монологе главного героя Султана, который знакомит читателя с поучительными для того противоборствующего времени жизненными судьбами его однокашников. Вызывающее и у героя, и у читателя чувство большого сожаления обстоятельство, что пути-дороги молодых друзей-односельчан Султана Шахбаза, Гилязи, Гали и Фазыла, которые до Октября росли под лучами «одинаково ласкового для всех солнца» и дышали «одним воздухом», так резко разошлись в годы Граждан-

ской войны и они оказались на противоположных берегах борьбы двух миров, писатель объясняет обострением революцией классовых противоречий между ними. И объективный ход повествования подводит нас к выводу, что переродив вчерашних односельчан – детей одного народа в классовых антагонистических классах и тем самым разрушили ее прежнее единство и целостность, что имело весьма печальные последствия для ее будущего. Так, исходя из классового принципа, при советской системе было ликвидировано целое сословие предпринимателей в лице хозяев заводов и фабрик, купцов, была подвергнута идеологической стерилизации национальная интеллигенция и т.д. Как известно, такая антинародная роль революции и Гражданской войны несколько позже еще более выпукло была отражена и в «Тихом Доне» М.Шолохова. В нем мы видим, что в те кровавые годы даже члены отдельных семей оказываются во враждующих между собой лагерях и убивают друг друга.

В идейном плане этому произведению весьма созвучно объективное содержание еще одного романа Г.Ибрагимова – «Глубокие корни» (1928), оцененного до сих пор также весьма односторонне. Поэтому произведение теперь нуждается в более разностороннем рассмотрении. Правда, эту потребность времени порой стремятся удовлетворять и весьма необдуманными предположениями. Примером тому может быть попытка низвести данный роман большого социально-нравственного звучания до заурядного детектива¹, традиционно относящегося к так называемой «массовой

культуре», проще говоря, к книжному чтиву, занимательно или со вкусом описывающему раскрытие какого-либо преступления, чаще всего, убийства. Вот почему сочинения подобного рода раньше не претендовали на идейно-художественную значительность в мире литературы. Современный, особенно западный детектив, становясь все менее содержательным и духовным, превращается в важное орудие пропаганды и, проникая уже в самые отдаленные уголки земного шара, завладевает повсюду умами прежде всего молодых читателей, порой толкает их и на преступления.

Что же касается романа «Глубокие корни», то в нем мы имеем дело лишь с использованием отдельных приемов традиционного детективного сюжета в социально значимом произведении, что иногда действительно практикуется в художественной литературе. В отличие от классического тогда, в 20-е годы XX века, детектива с его специфической идейно-тематической направленностью, Г.Ибрагимов берется за освещение присущей серьезному творчеству и популярной для своего времени идеи борьбы за новую жизнь и против ее врагов. Авторский замысел находит отражение уже в названии произведения. А суть «глубоких корней» образно раскрывается в одном эпизоде романа, где описывается следующая картина летней природы: «Пронесся ураганный вихрь, закружился над оврагом Яманкул и со страшной силой опрокинулся на высившийся одиноко дуб, взметнув вокруг него густое облако песка и пыли. В тот же миг раздался оглушительный грохот, и молнии, плясавшие над взлохмаченной волнами рекой, огненной плетью захлестнули могучий дуб от корня до самой кроны и, вырвав, бросили его,

¹ Так, в автореферате кандидатской диссертации Р.Галиуллина «Эволюция детектива в татарской литературе» (Казань, 2007) роман «Глубокие корни» рассматривается как первый детективный роман в татарской литературе советского периода и представляется весьма посредственным по идейно-художественному звучанию произведением 20-х годов минувшего века.

опаленный, поперек оврага. И тут же все затихло. Сразив вековечный дуб – будто для того лишь и затеяли они огненную игру, – и громы, и молнии, и ветры перекатились дальше, за Волгу... А небо, затянутое набухшим грузным пологом туч, разверзлось обильным дождем. Поля и луга, горы, леса, равнины подставили грудь небу и насыщались благодатной влагой». Здесь ураганный вихрь и молнии олицетворяют революцию, а вековечный дуб с его вырванными глубокими корнями – все старое в жизни, куда относится не только действительно отжившее и устаревшее, но и все духовно-нравственное наследие прошлого.

Старый мир, разрушенный революцией, в романе персонифицирован в образе Вали Хасанова, который теперь также нуждается в переосмыслении. Объективное содержание произведения свидетельствует о том, что этого честного и интеллигентного по натуре человека, подобно известным и почитаемым ныне меценатам в начале минувшего века заботившегося и о национальных нуждах своего народа, революция, из-за того только, что в прошлом он был богачом, сделала изгоем на его же родной земле. Хотя, несмотря ни на какие несправедливости и лишения, он своим опытом и способностями хозяйственника хочет служить новой системе, но советская власть, навязчиво видя в нем только классового врага, обрекает его на трагический финал.

В образе Вали Хасанова, к сожалению, в некоторых публикациях до сих пор рассматривающегося по ныне везде отвергнутому классовому принципу 20-30-х годов минувшего века (на той же позиции остался и автор уже упомянутого автореферата), объективно находит отражение трагическая судьба честного и умного человека в первые послеоктябрьские десятилетия. Главной причиной тому была обостренная классовая ненависть рождающейся системы ко

всему прошлому как к буржуазному. Судьба ибрагимовского героя ныне звучит и как нравственный приговор этой системе, которая в те годы у десятков и сотен тысяч людей, таких, как Хасанов, породила жизненную драму или трагедию. Такая трактовка этого образа значительно повышает идейно-эстетическое значение данного произведения в целом и его роль в прозе того времени.

При объективной характеристике творчества Ибрагимова после 1917 года в настоящее время еще больший интерес представляет его повесть «Люди» (1923). Хотя после продолжительного предания забвению по идеологическим соображениям она в последнее время стала привлекать внимание исследователей, но еще не получила достаточно глубокого научного осмысления и оценки. В этом произведении с современной точки зрения весьма существенны два аспекта – философский и художественный. Первый из них касается идейного замысла автора. Писатель здесь задается целью испытать человека голодом, вызванным в данном случае, по убеждению автора, таким природным бедствием, как засуха. Некоторые герои повести – простые сельские жители – не выдерживают этого очень тяжелого физического и духовного испытания и превращаются в людоедов. В целом писатель приводит читателя к философскому заключению о том, что человек насколько велик своим высоким социально-нравственным назначением и талантом, настолько же он мал и ничтожен перед всеокрушающими силами природы. Здесь вызывает несогласие только то, что писатель голод 1921 года связывает лишь с небывалой засухой. Между тем в этой по существу национальной трагедии очень горькую роль сыграла кампания властей по продразверстке, которая обрекла многих татарских крестьян на голод и вымирание. В общем же трагедия 1921 года явилась следствием стремления реализовать идею создания

гуманного советского общества негуманными методами.

Ибрагимов в этой повести объективно выступил против общепринятой тогда идеологической установки, что в изображении строительства нового справедливого общества в нашей стране не может быть места жанру трагедии. Поэтому в освещении этой новой темы официально отдавалось предпочтение романтическим или панегирическим формам. В таких условиях создав свою повесть, Ибрагимов обогатил по существу всю татарскую литературу 20-х годов XX века, посвященную современной теме, очень нужным тогда для освещения данной темы жанром трагедии в прозе.

В настоящее время ощущается необходимость в более объективной оценке и послеоктябрьских вариантов романов «Судьба татарки» и «Наши дни». Дело в том, что они до сих пор трактуются в идеологическом духе прошлых лет, то есть как произведения, идейно более зрело освещающие дореволюционную действительность, и потому считаются вершинными творениями писателя в советский период. Между тем в содержательном плане новые варианты несколько уступают прежним. Причиной тому – идеологическое воздействие на писателя советского времени. Так, из-за усиления классового подхода к освещению жизни в последних вариантах несколько упрощенно отображается дооктябрьский татарский мир. К примеру, в последнем переработанном издании «Наших дней» значительны сокращены разделы, изображающие жизнь и учебу в медресе, которые были бы весьма интересны и для современных читателей, очень слабо осведомленных о таких сторонах дореволюционного национально-бытия. Кроме того, в этом варианте искусственно усилена роль большевиков в общественной жизни татар. Что касается «Судьбы татарки», то во втором варианте романа автор также под воз-

действием новой идеологии заметно сгущает краски при изображении дореволюционного деревенского бытия, где героиня Гюльбану со своей светлой душой и помыслами, как и Катерина из «Грозы» А.Н.Островского, предстает «лучом света в темном царстве». И не выдержав своего рабского положения в том темном для нее мире, повторяет поступок названной русской героини – бросается в реку. Тем самым трагическая судьба Гюльбану в произведении используется согласно идеологическим предписаниям нового времени, как средство для бичевания старого темного и жестокого мира и восхваления Октябрьской революции, разрушившей до основания тот мир. Хотя в романе речь идет о полупатриархальной деревне, находящейся вдали от общественно-культурных центров татар, в целом же автор из-за указанной причины создает скорее предвзятое обобщенное представление о национальной деревне начала XX века. Как известно, то же самое произошло и в повести «Чернолик» М.Гафури, написанной в те же 20-е годы. В ней под воздействием тогдашней идеологии также была воссоздана нетипичная картина бытия дореволюционной татарской деревни. Причем идеологические шоры времени тогда часто не позволяли не только таким писателям, как Г.Ибрагимов и М.Гафури, но и всей литературе создавать объективное представление о национальном бытии.

Важную часть разноликого творческого наследия Ибрагимова составляют его научные труды, посвященные изучению языка, искусства и истории родного народа. Хотя у нас немало сделано по изданию и изучению этого наследия, но теперь вместе с тем приходится признать, что предстоит еще значительная работа по научно-объективному исследованию деятельности Ибрагимова-ученого. В частности, ныне повышенный интерес представляет изучение его оценки творчества Исхаки и Тукая, что весь-

ма важно еще с точки зрения осмысления некоторых характерных явлений или тенденций развития у нас литературно-теоретической мысли в начале минувшего столетия. Примечательна с этой стороны, например, трактовка Ибрагимовым пьесы Г.Исхаки «Учительница», которая, как известно, в свое время из-за злободневности проблематики вызвала живой интерес литературной общественности и оценивалась отнюдь неоднозначно. Так, если целый ряд критиков (Г.Гисмати, Ш.Ахмадеев, Г.Карам, Дж.Валиди, А.Мухутдиния и др.) рассматривали ее как романтическое произведение, отражающее авторский идеал, то Ибрагимов осмысливал ее с позиции реализма и критиковал драматурга за то, что в образе Фатимы он не показал реальную учительницу, как ему хотелось. И хотя критик приводит слова Пушкина о том, что то или иное произведение следует оценивать по тем литературным канонам, которые избрал его автор, но при рассмотрении пьесы Исхаки он как-то забывает об этом и судит о ней, не учитывая авторского замысла, и это мешает ему объективно трактовать ее.

Еще большее значение имеет теперь объективное изучение оценки Ибрагимовым творчества Тукая в целом в его известном труде «Татарские поэты». Здесь уже превалирует романтическая трактовка автором творчества трех ведущих наших поэтов начала минувшего века. Следует сказать, что подобный ход оказался весьма плодотворным при оценке творений С.Рамеева и Дэрдменда из-за их в основном романтико-философской направленности, но часто субъективным и спорным – в рассуждениях о поэзии Тукая-реалиста. Так, он не может согласиться с тем, что поэт от традиционного в поэзии «высокого» стиля переходил к «низкому», близкому массам стилю, целью которого было реалистическое освещение многотрудной жизни и драматичной судьбы род-

ного народа. Вообще, Ибрагимову, привыкшему тогда считать поэзию миром божественным, прекрасным и тонких чувств, было как-то не по нутру стремление Тукая сделать ее более «земной». При анализе этой работы выясняется, что в понимании сущности и назначения поэзии Ибрагимов и Тукай разнятся по многим позициям. Так, если первый отдавал предпочтение чувственному началу в ней, то второй – началу мыслительному. Весьма разным оказывается и их отношение к отражению в поэзии явлений природы. К примеру, Ибрагимов считает, что весну следует изображать как мир прекрасного, который одухотворяет душу человека, а осень должна напоминать ему о старости и смерти и вызывать чувства печали и тоски. В стихах же Тукая он не обнаруживает ничего подобного. И это понятно. Ибо для народного поэта изображение явлений природы не самоцель, к ним он обращается преимущественно в поисках поэтических средств. Так, в стихотворении «Осень» он изображает явления природы для выражения своей заботы о судьбах родного народа, заявляя:

Качан соң, и фәкыйрь милләт, бәһарең!
Качан китәр кичең, килер нәһарең?

Когда же, о бедная нация, придет весна твоя,
Когда же уйдет вечер твой и наступит утро твое?

(Подстрочный перевод)

Неоднозначна оценка Ибрагимовым народности творчества Тукая. Так, в содержательном плане он положительно воспринимает эту черту поэта, заявляя, что в его стихах находит отражение то, о чем думает народ, что он чувствует, и тем самым обнаруживает в поэте свои думы и чаяния. Следует подчеркнуть, что такое свойство тукаевской поэзии было порождено его врожденной сопричастностью к судьбе родного народа. Дело в том, что в короткой жизни поэта как в капле воды отразилась вся много-

